

Ф. 627
оп 2
кн 71-73

Собр. Шершова Т. Е

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ПАПКА ДЛЯ БУМАГ



167 л.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Херсонск
22 Января
1903

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

МЕДВѢДЮШКА.

57

2
164

Павлу Елисеевичу
отъ некрепко спящаго
Алек. Рентова

Медвѣдюшка.

Галинь сонъ.

Гая проснулась.

Въ дѣтской душно. Нянька Прасковья храпитъ и задыхается. Лампадка нагорѣла; красное пламя то вспыхнетъ, то погаснетъ.

Гая никакъ не можетъ заснуть, ей страшно и жарко.

— Папа пришелъ сегодня поздно, вспоминается ей, я собиралась ложиться спать, онъ и говорить: „Смотри, Гая, на небо, звѣзды упадутъ!“ И мы съ мамой долго стояли; въ окно глядели.

Звѣзды такія маленькія, а золотой воды въ нихъ много, какъ въ бронжѣ у мамы.

У окна холодно, тамъ долго нельзя стоять.

Когда идешь съ папой къ ранней обѣдѣ тоже холодно: колоколь звонитъ, какъ къ покойнику.

Прасковья вчера рассказывала, будто покойникъ Иванъ Степановичъ рукой во снѣ ее ловить...

А звѣздъ много на небѣ, всё онѣ разговариваютъ, только не слышатъ.

Дядя говорить, что летаетъ къ нимъ и ночью слышать, какъ онѣ поютъ тонко-тонко.

Днемъ ихъ вѣтъ, спятъ.

Тоже и я полечу, только бы достать золотыя крылья...

А папа подошелъ и говорить: „Гая, звѣзда падаетъ!“ И золотая ленточка горѣла на небѣ и пропала.

Холодно теперь звѣздочкѣ, гдѣ-нибудь лежить и плачуть.—

Гая такъ страшно, зашла:

— Попить, няня, по-чи-тъ!

И когда нянька подастъ ей кружку, она жадно пьетъ, вытягивая губки.

Теперь она свернулась калачикомъ и заснула.

Она летитъ куда-то, попадаютъ ей навстрѣчу звѣздочки, протягиваютъ свои золотыя лапки, сажаютъ по очереди въ себѣ на плечи и кружатся, а мѣсяцъ гладитъ ее по головкѣ и тихо шепчетъ на самое ушко: „Гая, а Гая, вставай, солнышко проснулось, вставай, Гая!“

Гая щуритъ глазенки, а все будто летитъ.

— Что тебя не добудитъ, вставай скорѣй! — кричать мама, она наклонилась надъ кроваткой и шепчетъ Гая.

* * *

А звѣздочка долго летала и упала, наконецъ, въ тѣсь, въ самую чашу, гдѣ старья ели сидятъ своими мохнатыми вѣтвями и гудятъ подъ тяжестью свѣжнхъ оковъ.

Проснулся густой, синий дымъ, поползъ по небу.

Вышло и солнце изъ своего хрустального терема нарядное, въ красной шубкѣ, въ парчевой шапочкѣ.

Прозрачная, съ синими улыбающимися глазами, лежитъ звѣздочка неподалеку отъ заячьей норки на мягкихъ нпгахъ; усталая ея грудка вдыхаетъ морозную свѣжесть.

А солнышко походило—походило надъ тѣсомъ и ушло домой.

Поднялись тучи, залегали по небу, стало смеркаться. Дребезжащимъ старческимъ голосомъ затянулъ вѣтеръ свою старую пѣсню.

Глухая метель прискакала, закричала.

Снѣгъ заплясалъ.

Дремлетъ звѣздочка, оттаявшая слезинка катится по ея щекѣ и замерзаетъ.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Мамы Зиссеи,
 В знак благодарности
 А. Климуз

На этапъ.

I. Въ вогонъ.

Открыты окна.

За вагономъ летить солнце, блестящее и еще холодное, а лучи бьются о рѣшетки, оставляя сѣрый, усыпанный мельчайшими блестками налетъ.

Мелькаютъ сонныя поля высокаго, желтаго хлѣба.

Вагонъ просыпается: сопятъ, кашляютъ, плюютъ выходятъ и приходятъ, качаясь, цѣпляясь за ноги.

— Осенью-то ѣхать — и не доживешь! — говоритъ сморщенная старушенка, пережевывая корку.

— Чего не доживешь-то, тридцать годовъ хожу во всё времена года — живъ, цѣлъ и невредимъ! — отзывается старикъ Яшка.

Онъ важно пьетъ чай, со вкусомъ присасывая сахаръ. Бѣлая оправа очковъ приросла къ носу и переходитъ въ длинную бѣлую бороду, позеленѣвшую у губъ.

— Молодому куда еще, а мнѣ на седьмой-то десятокъ... Господи, всю-то разломилло...

Заплакали дѣти, поднялись бабы, заорали.

Когда же немного пріутихло, послышался подъ стукъ колесъ голосъ Яшки: онъ роется въ своемъ мѣшкѣ и ухмыляется.

— Книги, вотъ эти, получилъ я отъ самого господина начальника. Проповѣдникъ былъ, агличанинъ... „Познаніе говоритъ, усмирить чувство твое и осво-